

В ГЛУБИНУ СТОЛЕТИЙ

Оказывается, когда-то над территорией нашего района плескалось огромное море! Оказывается, в давние времена паслись здесь мамонты на лугах рядом с шерстистым носорогом и гигантским оленем! Оказывается, 400 лет назад здесь можно было встретить самого Ермака Тимофеевича. А 350 лет назад застучал первый топор и был построен Усть-Ишимский острог!

Геронка, подвиг, приключенные, необычные и таинственные, примеры бескорыстного и самоотверженного служения народу и Родине, всегда привлекают нас. основополагающее значение играют исторические примеры мужества нашего народа, его стремление к справедливости, его бесконечное трудолюбие и талантливость.

Вот об этом цикл публикаций директора районного краеведческого музея В. В. Симонова, посвященный 350-летию Усть-Ишима, дате, которую мы отметим в 1981 году.

РУССКИЕ промышленные и торговые люди издавна стремились проникнуть в Сибирь, в этот край, богатый пушным зверем. Но до середины XVI века туда был только один трудный и далекий путь — через Печору в низовья Оби. И пройти тем путем могли только отдельные смельчаки.

Присоединение в 1552 году Казани сделало возможными прямые отношения России с Прикамьем и Зауральем. На полупустынных берегах Камы и Чусовой стало появляться русское крестьянское население. Иван IV (Грозный) пожаловал эти земли крупным солепромышленникам Строгановым, предоставив право заводить там промыслы, строить укрепленные городки и даже держать вооруженную силу для защиты.

Строгановы получили от Ивана Грозного грамоты на владение землями по реке Тобол. На свои средства они сформировали отряд из вольных казаков во главе с Ермаком Тимофеевичем.

Дисциплина, храбрость казаков и полководческий талант Ермака — все это способствовало большим успехам русских.

В 1581 году Ермак со своим войском проник на

территорию Сибирского ханства, а спустя год (в который уже раз) разбил войска Кучума и взял его столицу Кашлык (Искер).

Хан Кучум не хотел признавать пришельцев. Его войско летом скрывалось в казахских степях, выжидая случая для нападения.

О ДНАЖДЫ, поздним осенним вечером, в крепость, занятую казаками, на взмыленных конях влетели два всадника. Скатившись с коней, они упали в ноги вышедшему навстречу им Ермаку и что-то торопливо принялись лопотать. Прибежавший толмач — переводчик сообщил, что к Ермаку в Искер шел караван судов. Купцы из Бухары спешили завязать торговые отношения с Великой Русью, но по дороге купцы вместе с товаром были задержаны Кучумом.

Ермак долго не раздумывал. Взяв 150 казаков, двинулся вверх по Иртышу на выручку бухарцам. В пути казаки то и дело сталкивались с небольшими отрядами из войска Кучума, подавляли сопротивление других князьков — сторонников хана.

Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» пишет: «... Вслед за тем казаки наехали на некоего татарского старосту или начальника Саргачина. Этот староста, надеясь на свою силу, хотел было сопротивляться казакам, но его быстро привели к подчинению...»

После покорения Саургачей отряд двинулся далее и вскоре подошел к городку Тебенда (или Тювендя), где жил хан Елегай. Князек Елегай имел маленькие владения и со своим весьма немногочисленным и слабым войском не решился оказать сопротивление грозному Ермаку. Тем более он слышал, что Ермак не причиняет вреда добровольно сдавшимся.

К тому же, хану Елегаю было выгоднее платить ясак (дань) сильному и храброму Ермаку и признать свою зависимость от сильной Руси, нежели подчиняться старому и дряхлому Кучуму, который сам то и дело терпит одно поражение за другим от пришедших русских джигитов.

В. СИМОНОВ,
директор районного краеведческого музея.

[Продолжение следует].

В глубину столетий

[Начало в № 66 за 31 мая]

Кроме ясака, хан Елегай принес еще много богатых подарков. Чтобы доставить Ермаку удовольствие и честь, он привел атаману свою прекрасную дочь. Ту самую красавицу дочь, которую хан Кучум требовал отдать в жены одному из своих сыновей. Ермак отверг столь бесчеловечный подарок.

С ОЛНЦЕ низко повисло над землей, почти касаясь вершин высоких деревьев. Последние его лучи прощально ласкали спокойные воды Иртыша и Ишима. Две реки, соединившись, медленно и

сонно катили воды между высокими берегами с застывшими в вечернем воздухе деревьями. Тишина ложилась на землю. Замокли птицы, стих шорох листвы. Вдруг в тишине возник какой-то звук. Он повторился. Затем еще и еще раз, становясь с каждым мгновением громче и яснее. Вот из-за поворота показалась большая лодка, по сторонам которой, словно крылья большой птицы, взметались и резко падали весла, наполняя застывший воздух необычными звуками. За первым стругом показался еще один, затем еще,

Лодки быстро поднимались вверх по Иртышу. Напротив того места, где воды Ишима вливаются в широкий и полноводный Иртыш, струги пристали к берегу, и из них стали выпрыгивать люди, одетые в непривычные для этих мест кафтаны.

Сразу же в ближайших кустах застучали топоры и взвились дымы нескольких костров. Солнце еще некоторое время выглядывало из-за деревьев, удивленно разглядывая необычных пришельцев и их быстро выросший лагерь. Наконец, освежив прощальным лучом чер-

ные воды Иртыша, скрылось.

Сумерки пали на землю, приглушая последние звуки. Лишь в лагере пришельцев продолжали ярко гореть костры, да иногда глухо звякало оружие, да приглушенно переговаривались стражники, чутко стерегущие сон товарищей.

Все замерло. И деревья, и река, изредка в лесу вскрикнет во сне птица, и все вновь погружается в мирный покой.

Мирный ли? Нет! Не зря напряженно вслушиваются в ночную тишину стражники.

Не оставили их в покое зоркие глаза осторожного врага. Не отстали от них кучумовы разведчики. То из прибрежных кустов, то из-за разбросанных по берегам Иртыша древних курганов следили они за плывущими в лодке людьми. Вот и теперь затаились неподалеку, выжидая удобного момента.

И дождались... Уже засерело небо, и одна за другой стали гаснуть звезды. На востоке, где вот-вот должно было вынырнуть солнце, побелело. Начали пробовать голоса первые проснувшиеся птицы. Дозорные

уже не ходили, не переговаривались, а, утомленные бессонной ночью, сидели возле костров.

Вдруг тишину разорвал леденящий душу вопль, сырвавшийся из сотен глоток. Визжащие татары высыпали из ближних кустов и бросились на стан.

Как ни осторожны были казаки, все же нагадение оказалось слишком неожиданным. Казаки спали в одежде, выскочив из полога, не успевали даже выхватить сабли из ножен.

В. СИМОНОВ,
директор районного краеведческого музея.

[Продолжение следует]

В глубину столетий

(Начало в № № 66, 67)

С О ВСЕХ сторон набрасывались, злобно оскалив рты, воины Кучума. Над только что тихим станом стоял гул голосов, из которого вырывались редкие хрипы, вопли, стоны. Наконец, некоторым казакам удалось выхватить сабли. Тут и там послышался звон оружия. Раздался грохот «огненной палки», это кому-то из казаков удалось запалить трут и выстрелить из пищали. Дрогнули нападающие и, подбирая раненых и убитых, начали отступать. Воодушевленные казаки усилили натиск и обратили татар в бегство. В плен был захвачен мурза, возглавлявший нападение, и все его золото, которое он почему-то возил с собою.

После похорон быстро закончили сборы. Переправили на другую сторону реки небольшой отряд казаков. Они должны были отвести плененного мурзу и отнести захваченное золото царю. Высадив их, Ермак с отрядом двинулся дальше вверх по Иртышу, спеша на выручку бухарестским купцам.

А маленький отряд уходил по глухим лесным тропкам все дальше и дальше от Иртыша. Впереди шел старик, крепкое тело которого дышало силой и уверенностью. За ним два богатырского вида казака несли пестери, наполненные захваченными у

мурзы серебряными и золотыми вещами, украшенными драгоценными камнями. Со связанными руками спешил следом и сам мурза, зло посверкивая глазами и бормоча на своем непонятном языке. Замыкали отряд три молчаливых, по всей видимости очень опытных, казака. Лица их, иссеченные шрамами, говорили о былых сражениях.

ОТРЯД быстро продвигался в сторону Каменного пояса — Урала, почти не останавливаясь для привала. Подступала ночь. В лесу становилось все темнее и темнее, все труднее было идти. Неожиданно они оказались на краю большой поляны. В дальнем конце ее, у обрывистого склона, виднелось заброшенное городище. Место было очень удобное для ночлега.

Спали по очереди, даже во сне чутко слушая ночную тишину. Вот что-то насторожило сидящего у костра, он приподнялся, вслушиваясь. Треснула ветка. Что-то сонно пробормотала птица. Еще какой-то слабый треск. Дозорный стал осторожно будить товарищей. Но никто уже не спал. Руки лежали на рукоятках сабель, а глаза выжидающе остановились на кромке леса. Не спал и пленный.

Быстро притушив костер, казаки замерли в центре городища, тесным коль-

цом окружив пленного. Вдруг мурза что-то пронзительно прокричал, и словно из-под земли на поляне выросли фигуры людей. Сверкнула сабля, вторая. Нападающих становилось все больше и больше. Упал один, за ним второй казак. Пленный вскочил и скрылся среди нападавших, и тут же все исчезли.

Трое оставшихся в живых казака опустили сабли, и все еще тяжело дыша, склонились над упавшими. Но те уже не нуждались ни в какой помощи.

Наутро старик, припадая на раненую ногу, повел своих товарищей дальше. Один из носильщиков был убит, и теперь год тяжестью пестеря сгибался казак с лицом, иссеченным шрамами, к которым прибавилась еще одна, свежая рана.

Казаки шли почти без остановок, все время спиной чувствуя недобрый взгляд. К вечеру вышли на берег лесного озера. Вода его черная и непроницаемая, как зеркало, отражала подступившие к самому берегу деревья.

Вот здесь, у Черного озера, и решил старик остановиться на ночь, выбрав удобное место.

В. СИМОНОВ,
директор районного краеведческого музея.

[Окончание следует].

В глубину столетий

Как только от леса отделились фигуры в татарской одежде, казаки, уже готовые отразить новое нападение, стояли возле своего груза с обнаженными саблями в руках.

И вновь лес прислушивался к звону металла, хрипам умирающих, вскрикам раненых. Один за другим падали татары, но их не становилось меньше. Мурза приказал любой ценой забрать золото. Снова и снова бросались они на неверных. Наконец упал на вытоптанную траву старик. Но что это?

Оставшийся в живых казак схватил пестерь с золотом и широко размахнулся. Следом за первым пестерем почти без всплеска ушел в черную воду и второй. Казак оглядел застывших в удивлении и ужасе татар. Лицо его, посеченное и залитое кровью, перекопилось в улыбку. Не разбегаясь он прыгнул в воду и исчез вслед за золотом.

Долго потом ныряли татары, все пытались достать до дна озера. Но, видимо, не зря прозвали его в народе Черным озером. Не захотело оно расстаться с сокровищами, не захотело вернуть золото людям. По

сей день озеро хранит в себе доверенную тайну.

А в это время струги Ермака плыли уже вниз по Иртышу. Достигнув устья реки Шиш и не обнаружив и следа бухарского каравана, Ермак повернул назад. И вот теперь они проплывают место своей недавней стоянки, место, где произошло крупное сражение, где погибли их товарищи.

НАПРОТИВ устья реки Ишима, на правом берегу Иртыша, возвышаются три величественных кургана. Рядом с тремя могилами, напоминающими о некогда, еще в незапамятные времена, живших в этих местах людях, появилась еще одна свежая могила, память о недавнем сражении. В ней нашли свой последний покой смелые воины из дружины Ермака.

Спешат, торопятся струги на выручку купцам. Кучум вновь подсылает своих лазутчиков под видом бухарских гонцов. «Гонцы» сообщили новый адрес (низовье реки Вагая), где якобы томятся

несчастные. Видимо, хан Кучум, давая то один, то другой адрес, хотел измотать, утомить казаков, дабы потом с уставшими легче и наверняка расправиться.

Все ближе и ближе Вагай. Стала портиться погода, но так же неустанно следовали за плывущими по берегу разведчики хана Кучума. Осторожные и ловкие ордынцы, то скрываясь в густом кустарнике, то за стволами стройных сосен, то с крутой высокой кручи берега зорко наблюдали за передвижением казаков. Терпеливые и выносливые, они ни на шаг не отставали от плывущих стругов. То и дело мчались гонцы с донесениями хану.

Сибирская летопись говорит: «...у сего многоумного и храброго атамана Ермака Тимофеевича с товарищами во те время случилось оскуднение ума: сами на перекопе устроились на ночь, и положили свои поставили, и спать все легли, а крепкой стражи не поставили. Не ведая близ себя собравшихся та-

тар, все уснули крепко».

Но не мог, конечно, осторожный и опытный атаман не ведать близ себя татар. Знал он и чувствовал, что враги близко. Не изменила ему былая предусмотрительность. Выставил он крепкую стражу, но погода и усталость сломили их. И уснула стража тяжелым сном.

Сибирская летопись продолжает свое повествование «Об убиении храброго атамана Ермака Тимофеевича со товарищами».

«Сия же ночь была и темна, и мрачна, и дождлива. Неверные, как звери дикие, на них дышали и мечи свои готовили. И было около полуночи. Ермак спал со своею дружиной без всякого опасения. Татары же извлекли оружие свое и напали на стан их и начали избивать сонных казаков обнаженными мечами. Ермак, воспрянув от сна и увидев, что его дружину, как снопы, пожинают и смерти предадут, а помощи получить неоткуда, побежал в струг свой...»

С трудом пробивался Ермак сквозь толпу напи-

рающих, визжащих татар. Рядом не отставали от него товарищи, тесно окружив атамана. Много уже побито отважных воинов. Бьются казаки, пробиваются к стругам. Все ближе спасение, но все реже их ряды.

Уже один сражается грозный атаман. «А помощи получить неоткуда, побежал в струг, свой, и не мог в него вскочить из-за тяжелого доспеха своего. и вступил на край струга, струг опрокинулся, и Ермак упал из струга в воду и утонул...»

И так пришла внезапная смерть храбрым и крепким, и удалым казакам. Ибо никто не бессмертен. Если кто и долго проживет, а смерти не избегнет.

Такова, братие, сия дивная повесть, написанная во славу, а читающим на пользу, старым людям на послушание, а молодым людям в поучение и поощрение, воинам на храбрость, а древним на память».

В. СИМОНОВ,

директор районного краеведческого музея.

Редактор

И. П. УФИМЦЕВ.